

РЕГИОНЫ МИРА В МИРОВОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Г. Г. Еришова

DOI: 10.7256/2222-1972.2013.5.9430

При цитировании этой статьи сноска на doi обязательна

Научные знания и технологии в древней Мезоамерике: проблема изучения¹

Аннотация: модель изложения рациональных знаний с момента их появления у человека неизбежно приобрела религиозный характер. Однако уже сам факт этого свидетельствует об активном научном поиске решения данной принципиально важной (а может быть, самой важной) научной проблемы: как возникает научное знание, позволяющее преобразовывать окружающую реальность. На настоящий день обозначены лишь направления поиска этой сверхсложной конструкции: мозг познает сам себя в целях познания и преобразования через технологии окружающей действительности – и в результате претерпевает изменения, самосовершенствуясь определенным образом. Этот сложнейший замкнутый интеллектуальный и социальный процесс, описание которого отталкивается от психофизиологических факторов, издревле находит свое отражение в построении модели мира. Элементы модели мира древних майя отличаются значительной разработанностью научных знаний (прежде всего математики и астрономии, что относится к константным, общекосмическим, влияющим на антропосистему), и потому они совпадают с аналогичными знаниями Старого Света. Эти знания имеют как прикладной, необходимый для выживания характер (циклическая репродукция, социальная организация, сельскохозяйственный и охотничий календарь), так и абстрактный характер, указывающий на актуальное состояние развивающегося общества. Сложные конструкции социального устройства и абстрактного знания накладываются на комплекс перцептивно-эмпирических представлений, отражающих развитие мышления человека и его интеллектуальных способностей (хотя внешне это изложение и выглядит как набор «мифов», «мифологических образов» и алогичность пространственно-временного континуума).

Annotation: This article maintains that a model of presentation of rational knowledge from the moment of its appearance in man inevitably took on a religious character. However, this mere fact attests to active scientific search for resolving this fundamentally important (perhaps most important) intellectual problem. How does scientific knowledge that permits transformation of surrounding reality emerge? At present only the search directions for this over-complicated structure are identified. On the whole the brain perceives itself for the purpose of awareness and transformation through technologies of surrounding reality. And as a result it undergoes changes, perfecting itself in a certain way. This most complex enclosed intellectual and social process, whose disclosure is repelled from psycho-physiological factors, since ancient times has been reflected in the construction of a model of the world. The elements of the model of the ancient Mayan world differ by significant elaboration of scientific knowledge (especially mathematics and astronomy, which belongs to constant, general cosmic, influence on the anthroposystem). Therefore they coincide with similar knowledge of the Old World. This knowledge has both an applied, a necessary for survival, character (cyclical reproduction, social organization, agricultural and hunting calendar), and an abstract character, pointing to the current state of developing society. Complex structures of social construction and abstract knowledge are superimposed on a complex of perceptive-empirical ideas reflecting the development of man's thinking and his intellectual abilities (though externally this statement also looks like a set of "myths," "mythological images," and illogicality of the space-time continuum).

Ключевые слова: история, методология, междисциплинарность, научное знание, история технологий, антропосистема, модель мироздания, древние майя, Мезоамерика, Древний мир.

Key words: history, methodology, interdisciplinary, scientific knowledge, history of technology, anthroposystems, model of the universe, ancient Maya, Mesoamerica, ancient world.¹

¹ Статья написана при поддержке Программы стратегического развития РГУ и конкурса «Проектные научные коллективы РГУ».

Изучение древних (как, впрочем, и не столь древних) цивилизаций в настоящее время, как стало очевидно, не может реализовываться полноценно в рамках традиционных описательных схем. И связано это с несколькими важными факторами, казалось бы, не имеющими прямого отношения к «истории». Среди них на первом месте – требование новой концепции исторического процесса, который не может более сводиться к перечню дат, войн, династийной хронологии и набору маловразумительных мифов.² Вторым важным фактором становится общая для науки, практически не меняющаяся с XVIII в., весьма устаревшая позиция, согласно которой проводится четкое формальное разграничение между областями науки, а также направлениями внутри каждой из областей. Даже при декларировании, практически обязательном как заклинание в последние годы, «междисциплинарного подхода», междисциплинарность, особенно в гуманитарных науках, по сути, с большим трудом пробирует свое место в системе знания. Поскольку постоянно натывается на такие препоны как формальное отсутствие «второго» специфического образования у исследователя и коллег, нарушение стандартов классификации разделов науки, отсутствие методологий, неприятие (в силу де факто неподготовленности) со стороны «традиционного» научного сообщества, и прочие административные и личностные факторы.³

Выделение некоторых аспектов в качестве основных в историческом процессе может быть самым разным – это зависит от целей, поставленных исследователем. Имеет право на существование любая из линий: и перечни дат, и способы производства, и культура, и религия многие другие, включая войны, коммуникацию и даже прически. Однако следует выделять нечто, что носит для всех этих параметров определяющие характеристики – и тут мы должны говорить, безусловно, о научном знании и технологиях, включая технологии социальные.⁴ Именно этот

² Свидетельством нефункциональности этой не соответствующей требованиям современности схемы стало появление многочисленных бредовых «пересмотров хронологии» и прочих софистических упражнений в перекладывании карточных домиков из дат и мифов.

³ В последние годы в РГГУ начата разработка концепции междисциплинарности в гуманитарном знании с самым широким привлечением специалистов России и зарубежья. В 2012 г. вышел первый сборник материалов: Стены и мосты. Междисциплинарные походы в исторических исследованиях. М., 2012.

⁴ Концепция социальных технологий разрабатывается Д.Д.Беляевым.

параметр отражает уровень развития общества в целом, в качестве показателя интенсификации освоения окружающего пространства. Тем самым мы сталкиваемся с еще одним важным фактором: изучение любой древней цивилизации невозможно без реконструкции системы научного знания, существовавшего и развивавшегося в этом обществе. Тогда как современная наука до сих пор квалифицирует это знание как некую «преднауку», что является, по большому счету, консервативным абсурдом. Абстрактное мышление – это главная характеристика в эволюции человека, что отличает его от остальной части животного мира. Абстрактное мышление, в свою очередь, проявляется в сложной деятельности, отражающей растущее научное знание человеком законов окружающего мира и Вселенной. А также в умении применять это знания для преобразования окружающей действительности с прогнозируемым результатом в целях обеспечения выживания постоянно растущей популяции при конечной, по определению, ограниченности ресурсов. И ни о какой «недонауке» не может быть и речи. Вопрос стоит только в том, понимаем ли мы язык древних научных описаний или нет. Научная терминология новейшего времени возникла недавно, но описываемые ею базовые законы (как физические, так и социальные) существовали всегда и издревле, по мере необходимости, осмыслились человеком. Отслеживанием соответствующих этапов отчасти занимается история научного знания – но в силу традиционной парадигмы это происходит в отрыве от понимания целостности цивилизационного процесса. Таким образом, следует рассматривать историю человечества как, в первую очередь, историю развития абстрактного знания и применения его человеком для изменения окружающего пространства. Что, собственно, и представляет некую Модель мироздания, отраженную в определенных информационных комплексах, которые должны сохраняться, транслироваться и трансформироваться в соответствии с требованиями развития общества. В этой связи реконструкция и анализ «информационных комплексов», транслирующей модель мироздания, существовавшую у древних майя, представляет особый интерес в силу изолированного (от Старого Света) развития этой наиболее успешной в научном плане цивилизации, возникшей на региональном культурном субстрате Мезоамерики.⁵

⁵ Раньше мне казалось, что изучение этих моделей в Старом Свете (на индоевропейском пространстве) не так интересно в

Цивилизация майя, возникшая в Центральной Америке (Гватемала, юго-восток Мексики, Белиз) в начале нашей эры (100-200 гг.), просуществовала почти полторы тысячи лет, вплоть до появления на этой территории в XVI в. испанцев. То, что она считается достигшей наивысшего для Нового Света уровня развития, вовсе не случайно. В XX в. цивилизацию майя любили сравнивать с греческой, подчеркивая, в первую очередь изысканность форм проявления культуры и искусства. Но не менее важная роль в этом сравнении отводится высоким научным достижениям и технологиям, существовавшим у древних индейцев. Именно этот аспект ложится в основу своеобразного противопоставления классических майя более поздним астекам, чья структурированность социальной организации (социальные технологии), а также стремление к военной экспансии (экстенсивное расширение) скорее наводят на мысль о римлянах.

В отличие от давно существующей системы изучения цивилизаций греков и римлян история профессионального научного интереса к майя и астекам укладывается в рамки двух веков. Впрочем, первые описания мезоамериканских народов относятся к XVI в., периоду появления испанской администрации. Эти сведения носили описательный характер, в силу того, что составлялись в целях оптимизации управления колониями.

И только в XIX в. у европейских ученых, в рамках общего интереса к модной этнографии, возникает активный интерес к изучению майя: организуются археологические экспедиции, делаются попытки дешифровки иероглифического письма, а также разгадки «календарного кода». За истекшее время накопилось немало археологической и этнографической информации, относящейся как к древним майя, так и их предшественникам и соседям по региону. Однако эти данные, затрагивающие лишь тот или иной аспект существования цивилизации, до сих пор носят расчлененный характер, хотя и видоизменяются.

Проще обстоит дело с определением хозяйственных, строительных и бытовых технологий, которые поддаются реконструкции благодаря анализу археологических данных. Чего

силу невозможности установления связей, касающихся обмена информацией. Однако эта тема представляет уникальную возможность понять схему формирования единого научного пространства (и доработки ее для конкретных нужд) в древности.

нельзя сказать о научных знаниях и духовных представлениях уже в силу того, что со временем они неизбежно и существенно видоизменяются в рамках даже, казалось бы, единой культуры или территории. Поэтому о качественном переломе в исследованиях майя можно говорить лишь с момента дешифровки письма майя, осуществленной Ю.В. Кнорозовым в 1950-х гг. Чтение текстов позволило приступить к воссозданию не только достоверной событийной картины истории и политической жизни майя, но и более полно реконструировать некогда существовавшую модель мироздания – систему духовных представлений и научных знаний.

Чрезвычайно интересно выявить саму схему конструирования этой модели мира индейцами майя – попытаться понять, как и по каким законам эта модель выстраивалась, сохранялась и изменялась на протяжении полутора тысячелетий, развивая уже существовавшие до этого также тысячелетние традиции и претерпевая разного рода влияния.

На первый взгляд, казалось бы, комплекс духовных представлений – это почти внерациональная интерпретация бытия, призванная, тем не менее, логически соединить основные характеристики материального мира. Любая идеологическая система, в том числе и у майя, – это рациональный метод организации социума, основанный на целенаправленном использовании знаний внутри существующей религиозной модели для управления этим социумом. В действительности, само понятие «религиозной модели» для древности требует специальной дефиниции.

При подобной постановке неизбежно возникает проблема: с чем связано повсеместное существование на всех исторических этапах столь универсального в цивилизации феномена как духовные представления? И как соотносится религиозное сознание, формирующее духовные представления, с работой мозга человека? Впервые, еще на рубеже XIX-XX вв., эти вопросы профессионально попытались решить такие ученые как В.М. Бехтерев⁶ и И.И. Мечников⁷,

⁶ Бехтерев В.М. Роль внушения в общественной жизни. Избранные труды по психологии личности. Т. 2: Объективное изучение личности. СПб., 1999.

Бехтерев В.М. Избранные труды по психологии личности. Т. 1-2. СПб, 1999.

Бехтерев В.М. Внушение и воспитание // Бехтерев В.М. Роль внушения в общественной жизни... С. 158. (Доклад на 1-м международном Педагогическом конгрессе в Брюсселе в августе 1911 г.)

⁷ Мечников И.И. Рудименты человеческой психики в некоторых физиологических и психических актах // Мир божий. № 11. 1904. С. 1-17.

заложив тем самым основы междисциплинарного подхода в исторических исследованиях. В основе этого новаторского принципа лежал тезис о том, что биогенетический закон рекапитуляции Бэра-Дарвина-Геккеля-Мюллера вполне применим не только к биологическим подсистемам, но и социальным. В рамках этой парадигмы работал и Ю.В. Кнорозов, создавая собственную «теорию коллектива»⁸, и одновременно новую модель междисциплинарного подхода в исторических исследованиях.

Вопрос второй: как соотносится то, что принято именовать «религиозными представлениями» с научным знанием? Особенно, если учесть уже рассматривавшийся нами ранее тезис, что «религий много, а наука – едина и по определению универсальна, поскольку основана на единых законах Вселенной».⁹

Из системы понятий, формирующих понятие «религия», а именно: индивидуальный религиозный (духовный) опыт; «религиозная» модель мира; религиозная система – церковь как социальный институт, в данном случае интересно выделить лишь второй компонент. Речь идет о религиозной модели мира, то есть некоей внешне идеологической конструкции, основанной на актуальном для своего времени научном знании. Данное определение может показаться парадоксальным, однако оно не случайно и отражает следующее: система научных знаний и технологий, позволявшая социуму выживать, одновременно становилась и способом управления социумом. Само знание делегировалось внесоциальному, внерациональному фактору – сначала обожествленным предкам, а затем некому божеству. Вспомним, что в V в. до н.э., казалось бы, уже привычное для греков письмо «отец истории» Геродот назвал «священными знаками», а Климент Александрийский, раннехристианский теолог, пустивший в ход слово иероглифы, именовал это письмо «священными вырезанными знаками», указывая тем самым на «божественность» происхождения того, что мы сейчас называем «технологиями передачи и распространения информации». Более того,

практически все основатели религиозно-философских учений и даже ранние греческие философы искренне полагали, что достигаемые ими знания являются ни чем иным, как «божественными откровениями», тем самым, с одной стороны, отказываясь от авторства, а с другой, самоотождествляясь с богом. Гераклит и Эмпедокл, также жившие до н.э., оценивали самих себя как «земные формы божества». Эмпедокл, пытаясь объяснить происхождение знаний, ощущал себя «как боговоплотителя».¹⁰ Иудеи и, соответственно, ранние христиане рассматривали происхождение знания в рамках все того же божественного начала, что подразумевается. Об этом отчетливее всего можно судить по тексту Притчей Соломоновых: «Ибо Господь дает мудрость; из уст его знание и разум»¹¹, при этом знание неоднократно отождествляется со «страхом Господним»¹². Объясняется это тем, что мир создан законами знания: «Господь премудростью основал землю, небеса утвердил разумом»¹³; Когда Господь уготовлял небеса, мудрость уже была там, «помазана» в качестве «начала пути Своего», «до начальных пылинок вселенной», от начала, «прежде бытия земли», «до творения созданий Своих».¹⁴ Таким образом, главным заветом Царя Соломона юношам становятся мудрость и знания, делегированные Господом.

Решение столь странного, и вместе с тем столь универсального делегирования человечеством знания внерациональному началу возможно, безусловно, лишь в рамках междисциплинарных исследований, путем анализа приводимых образов и способов их получения головным мозгом человека. При этом речь идет о специальных людях, существующих в каждом социуме и являющихся носителями знания. Эти люди обладают специфической психо-физиологической характеристикой – смещением профиля функциональной асимметрии головного мозга. Эта тема подробно и неоднократно рассматривалась мною в предыдущих публикациях¹⁵, поэтому здесь лишь упомяну тот важный фактор, что наличие подобной особенности связывает

⁸ Кнорозов начал свои исследования с анализа, как Бехтерев, особенностей детского рисунка в сопоставлении с палеолитическими изобразительными. Кнорозов Ю.В. К вопросу о генезисе палеолитических изображений // Советская этнография. 1976. № 2. С. 99–102.

⁹ См.: Долгова Е.А., Ершова Г.Г. Историческая перспектива междисциплинарных исследований: вместо вступления // Стены и мосты. Междисциплинарные походы в исторических исследованиях. М., 2012. С.7.

¹⁰ Фейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978. С.270.

¹¹ Притч 2:6

¹² Притч 1:29; 2:5

¹³ Притч 1:29; 2:5

¹⁴ Притч 8:12-31

¹⁵ Ершова Г.Г. Черновитов П.Ю. Наука и религия: новый симбиоз? С-Пб., 2003.

Ершова Г.Г. Асимметрия зеркального мира. М., 2003.

ся специалистами с повышенной возможностью развития шизофрении¹⁶ – болезни, у которой, по сути «нет объективных физических признаков», по мнению Криса Фрита. Примечательно, что этот знаменитый британский нейрофизиолог в монографии с говорящим названием *How the Brain Creates our Mental World*¹⁷, считает необходимым подчеркнуть, что «шизофрения относится к психическим заболеваниям, всеобщие представления о котором особенно сильно расходятся с действительностью... ..это болезнь не редкая, но обычно и не опасная. Каждый сотый из нас рискует стать жертвой этой болезни». Данная цифра несколько меньше того процентного количества людей, у которых в результате проведенных мною в 1990-е гг. исследований был выявлен смещенный профиль функциональной асимметрии.¹⁸ Но именно эти люди создают ту прагматическую модель мира, в котором рационально живет социум. При этом, нельзя не согласиться с К.Фритом, что «наши знания о материальном мире по своей природе субъективны. Все, что мы знаем об этом мире, записано в модели этого мира, создаваемой нашим мозгом. Мозг создает эту модель на основе наших априорных знаний и сигналов, поступающих из органов чувств. Тем самым наш мозг воссоздает материальный мир деревьев, и птиц, и людей. Наши знания о внутреннем мире других людей могут возникать точно так же. Сигналы, поступающие от наших органов чувств, позволяют мозгу создавать модель нематериального мира представлений, желаний и намерений».¹⁹

Итак, подводя итоги исследований процесса возникновения в человеческом мозгу мысли для организации своей деятельности, К.Фрит в специальном разделе приводит данные об объективной возможности возникновения иллюзий, связанных с этой деятельностью.²⁰ И не случайно в следующем разделе автор, как бы следуя бытующему среди психиатров мнению о том, что психическая патология гипертрофированно подчеркивает функцию пораженного участка, анализирует то, как интерпретируют

своих мыслей люди с диагнозом «шизофрения». Так, например, те иллюзорные ощущения относительно совершаемых действий, которые в норме корректируются мозгом (восприятие избразительных иллюзий, двигательные галлюцинации, причинно-следственные отношения в ощущении свободы воли и т.д.²¹), в случае отсутствия этого механизма коррекции «порождают несуществующих деятелей».²² Подобные люди, полагают, что их движения контролирует некто другой. Точно также они полагают, что «их мысли – это не их собственные мысли и кто-то внедряет эти мысли им в сознание...».²³

В древности, когда создавалась общая для социума модель мира, опыт продолжал оставаться сугубо индивидуальным. И эти же отдельные личности же всегда задумывались о том, откуда берутся мысли, знание, мудрость... Примечательно, что именно попытка решить загадку «откуда берутся мысли?» заставили К. Фрита заняться нейробиологией и разобраться в проблеме шизофрении, «чтобы понять механизмы работы головного мозга, которые позволяют строить модели внутреннего мира и использовать эти модели, предсказывая действия других людей».²⁴ Рационализация именно этих моделей приводит к построению коллективной модели мира, которая, совсем очевидно, не случайно, в древности приписывается внешнему Творцу.²⁵

Таким образом, вся модель изложения рациональных знаний с момента их появления у человека неизбежно приобретала внерациональный или, как принято определять, религиозный характер. Однако уже сам факт этого свидетельствует об активном научном поиске решения данной, принципиально важной – а может быть и самой важной – научной проблемы человечества: как возникает научное знание, позволяющее преобразовывать окружающую реальность. Ответа на поставленный тысячелетия назад вопрос, заметим, нет и поныне. На настоя-

²¹ Все эти эксперименты, ставит и анализирует К.Фритт.

²² Фритт К. Мозг и душа. С. 242.

²³ Там же. С. 243.

²⁴ Там же. С. 243-244.

²⁵ Следует обратить внимание, что в онтогенезе восприятие себя в первом лице происходит около трех лет. До этого возраста ребенок себя идентифицирует в третьем лице. Если обратиться к подходу В.М. Бехтерева, а также Ю.В. Кнорозова, рассматривавших психическое развитие человека в свете закона рекапитуляции, то возникает еще одно исследовательское поле для делегирования в древности человеком приобретенного знания внешнему Творцу.

¹⁶ Доброхотова Т.А., Брагина Н.Н. Левши. М., 1994. С. 36-38.

¹⁷ В русском издании название переведено как «Мозг и душа», что совершенно искажает смысл оригинального названия. См.: Фритт К. Мозг и душа. М., 2004.

¹⁸ Исследования проводились по методикам Т.А. Доброхотовой, Л.П. Грымака, В.В. Аршавского, с использованием теста Безингера.

¹⁹ Фритт К. Мозг и душа. М., 2004. С. 215.

²⁰ Там же. С. 239-240.

ций день обозначены лишь направления поиска этой сверхсложной конструкции: мозг познает сам себя в целях познания и преобразования через технологии окружающей действительности – и в результате сам претерпевает изменения, самосовершенствуясь определенным образом. И этот самый сложный замкнутый интеллектуальный и социальный процесс, описание которого отталкивается от психофизиологических факторов, издревле находит свое отражение в построении модели мира.

Вместе с тем, проблема изучения схемы построения модели мира, которая создавалась еще в глубокой древности различными народами²⁶, постепенно превращаясь во все более универсальную модель (не столько религиозную, сколько, по сути, научную), представляет чрезвычайный интерес для понимания логики исторических и социальных процессов, протекавших в том или ином древнем обществе. Информация об этих процессах, как правило, ограничена характером и часто количеством имеющихся источников, не говоря уже о вероятности полного исчезновения или регулярной прерываемости локальной культурно-исторической традиции, а также наличия разнотипных многочисленных суперстратных напластований. Поскольку степень разработанности модели мира находится в прямой корреляции с уровнем развития пользующегося этой моделью общества, то только комплексное исследование и анализ модели мира древней цивилизации (в данном случае майя) позволяет представить ее целостно, через внутреннюю функциональную структуру, а не путем реконструкции отдельных элементов через аналогии и анализ археологических источников.

Модель мироздания должна рассматриваться как сложный комплекс взаимосвязанных мировоззренческих представлений, которые доминируют в том или ином социуме, влияя на характеристики практически всех аспектов его жизнедеятельности. В понятие мировоззренческого комплекса древнего общества, с одной стороны, входят духовные представления в качестве интерпретации бытия доступными средствами – интерпретации, призванной логически соединить основные характеристики материального мира. Сюда же интегрирован рациональный метод организации социума, основанный на це-

ленаправленном использовании знаний внутри существующей модели для управления этим социумом. И с этой точки зрения, модель мироздания включает в себя не только религиозно-идеологические представления – она охватывает гораздо более широкую и прагматичную картину восприятия мира тем или иным коллективом. Кроме того, подразумевает способы отражения этих представлений в интеллектуальной, социальной и артефактной (посредством применения технологий) деятельности, нацеленной на преобразование окружающей среды, и создание, в конечном счете, среды обитания искусственной. Вместе с тем, в одном социуме синхронно существуют разные версии общей модели мира, используемые разными социальными и профессиональными группами.

Таким образом, в изучении и реконструкции Модели мироздания следует выделять два, а точнее, три аспекта: первый – это реконструкция неких абсолютных констант, содержащихся в знании о космическом порядке, химических и физических законах, базовых биологических циклах. Именно наличие констант и приводит к появлению единой для всего человечества науки. Второй аспект касается переменных условий природной и социальной окружающей среды. Все это воплощается в артефактной деятельности на реальном просторстве среды обитания с использованием освоенных технологий. Третий аспект носит синтезирующий характер и касается представлений о человеке внутри космического порядка, где физическая среда обитания представляется лишь в качестве части бытия.

Все нематериальные представления при этом обязательно воплощаются в деятельности человека и передаются через артефактные объекты, которые, как уже определялось, могут отражать деятельность, связанную с жизнью и репродукцией; деятельность, связанную со смертью; деятельность, связанную с передачей информации обо всех имеющихся представлениях и навыках и умениях. Разработанная тем или иным обществом модель мира (даже в самой «мифологической» версии описания), должна быть актуальной и отражать реальный порядок вещей, обеспечивающий стабильное существование и развитие общества в целом. В противном случае, социум не способен реализовать не только долгосрочные планы, но и вообще обеспечить какую-либо целенаправленную деятельность. Как отмечал Н.М. Гиренко, «за так называемым прелогическим мышлением «первобытного» сто-

²⁶ Данные сюжеты подробно рассматривались в предыдущих публикациях: Ершова Г.Г. Черновитов П.Ю. Наука и религия: новый симбиоз? С-Пб., 2003. Ершова Г.Г. В поисках бессмертия. М., 2009.

ит четкая эмпирическая логика, а мистическая культовая идеология стоит на страже самых конкретных самых конкретных и вполне материальных явлений социальной и экономической действительности, жизненно важных для сохранения жизни коллектива и самого человека. Так, мифологические классификации явлений природы, растительности и животного мира, хотя и основаны на совершенно отличных от принятых в современном научном знании критериях, дают целостную схему, достаточно удобную для прагматического их использования... В эволюционном процессе, где естественный отбор (условия среды) жестко диктуют лимиты для выживания, слабые исчезают, не дав потомков. Выбывали из исторического процесса скорее виды и социумы... оказавшиеся слабыми, неэластичными в отношении к природе, к изменяющемуся окружающему миру». ²⁷ То есть, говоря о высших формах поисковой активности ²⁸, свойственной не только человеку, но и в целом человеческому коллективу, «выбывают из исторического процесса» те социумы, которые не оказываются способными развивать и совершенствовать модель мироздания – развивать научные знания и технологии.

Антропосистемный метод ²⁹ модели мироздания позволяет выявить динамические характеристики цивилизационных процессов: определенный уровень изменений переменных эколого-географических и историко-политических условий существования конкретного социума может приводить (при общем прогрессивном развитии антропосистемы) не только к позитивному развитию этого социума, но и к его регрессии – как временной, так и необратимой. Причем скорость протекания этих процессов зависит от определенного набора факторов и степени актуальности модели мира. Для майя эта проблема актуальна особенно в свете так называемого «коллаласа» X века и реорганизации социума на основе новой модели мира.

Индейцы майя, создатели единственной развитой письменной цивилизации Нового Света, сумели разработать адекватную для этих целей модель мироздания. Причем она была на-

столько совершенной, что первые европейцы, занявшиеся ее изучением, были склонны искать в ней признаки самых различных внешних влияний.

Так, в 1864 г. Брассер-де-Бурбур издавая «Сообщение о делах в Юкатане» Диего де Ланды, предварил его введением под названием: «Об истоках примитивной истории Мексики и Центральной Америки в египетских памятниках и примитивной истории Египта в американских памятниках» ³⁰. Автор включил в обзор карибские (Гаити) и южноамериканские культуры (перуанские, тупи, гуарани, чибча-муски, и т.д.), привел материалы ранних хронистов, сопоставил отдельные культурные элементы, присущие американским культурам, со всеми возможными известными мировыми культурами – от классических (египетской, ближневосточных, греческой, индийской, китайской, финикийской) до сравнительно малоизвестных (скандинавские, полинезийские, баскская, этруская). Но основное внимание Б. де Бурбур уделял мифорегиональным сходствам различных моделей мира, затрагивая по преимуществу традиционные для мифов темы: сотворение и разрушение мира, катастрофы, роль воды и вулканов, состав пантеона и функции богов, астрономические и календарные представления, рождение и смерть, живое и мертвое пространства, семейные отношения, специфика роли женщины. Не были оставлены без внимания и такие характеристики как использование природных материалов и технологии. Свои сопоставления Брассер-де-Бурбур стремился подкрепить и данными лингвистики (точнее – «вульгарной этимологии»), пытаясь установить единство происхождения майяских, науа, египетских и греческих названий. В качестве характерного примера мифолингвистических построений автора можно привести следующий пассаж: «С какой бы стороны мы не рассматривали древние космогонии, будь то в Африке, Азии или Америке, каждый раз мы обнаруживаем не просто аналогии, но столь великое сходство, что было бы непоследовательным увидеть в них всего лишь совпадения, полностью обязанные своим происхождением лишь случаю. И потому у нас нет иного выхода, как объяснить это единым происхождением. В

²⁷ Гуренко Н.М. Принцип стадияльной гетерогенности в обществе и закон Геккеля // Вопросы этнической семиотики. Спб., 1999. С.184.

²⁸ Термин поисковая активность введен психофизиологами В.В.Аршавским и В.С. Ротенбергом: Поисковая активность и адаптация// Москва, изд. Наука, 1984 г.

²⁹ Метод разработан на основе теории самоорганизации антропосистемы, см.: Ершова Г.Г. Асимметрия зеркального мира. М., 2003.

³⁰ *Landa Diego de. Relation des choses de Yucatan. Par l'abbé Bresseur de Bourbonnais, Paris, 1864. "Des sources de l'histoire primitive de Mexique et de l'Amérique Centrale, etc., dans les monuments égyptiens et de l'histoire primitive de l'Égypte dans les monuments américains; Introduction à la Relation des choses de Yucatan". P. IX—CXII.*

небесах, на земле, или в глубине моря, в Египте или Мексике, существуют сходные мифы: Амон-Ра, солнце, становится Атумом; Осирис из преисподней, владыка подземных обиталищ, как и Тескатлипока, спускаясь с небес в глубины океана воплощается в Сипактонале, а тот в Миктлантеути. Осирис и Гор появляются под именами Сет или Тифон; затем следует Хнум или Кнеф — Разум или Божественное дуновение. Точно также Кецалькоатль, Птице-Змей, становится Эхатлем в Мексике, а Ик на языках Центральной Америки соответствует имени Хнум, как отмечает Шампольон, встречающемуся в нескольких иероглифических надписях, несущих легенду, из которой следует, что это божество управляло потопом». Затем он добавляет: «Кнеф, Хнум или Хнубис связаны, по всей видимости, с египетскими корнями неф, неб, нифе, нибе, рнеи. Эти слова почти неизменными мы обнаруживаем в уб или пуб, сербатан — инструмент, через которые земля выдувает огонь вулканов в легенде о Хун-Ахпу или Ах-Пуб, чье имя вновь обнаруживается в египетском Анубисе»³¹.

Столь подробный обзор идей коллекционера и историка-любителя Брассер-де-Бурбура не случаен. С одной стороны, основной целью этого автора было представить мезоамериканские культуры не «варварскими», как было принято считать в XIX в. и как их классифицировали эволюционисты³², а достойными и равными высочайшим цивилизациям Старого Света. Однако с другой стороны, размышления французского аббата становятся прекрасным примером, того, как можно внешнее сходство элементов различных культур при желании можно интерпретировать как генетическое родство или следствие

диффузии. Причем, аналогичные схемы установления «родства» майя не только с египтянами, но и с китайцами и тюрками популярны среди историков-любителей и поныне. Данный пример отчетливо показывает, что «единое» в мифологиях представляет собой универсальные наблюдения и знания об окружающем мире, в частности, астрономии, геологии или климатологии.

Реконструкция модели мироздания осуществимо в рамках антропосистемного анализа при привлечении следующих групп источников: археологические (архитектурные комплексы, разнотипные артефакты, погребения); особенно важны письменные (иероглифические тексты, записанные латиницей майяские тексты, хроники колониального периода); этно-лингвистические (языки и словари майя, этнографические данные), а также собственные целевые полевые наблюдения и исследования.

С введения в научный оборот (после дешифровки Ю.В. Кнорозовым иероглифической письменности майя) новых текстовых источников, синхронных цивилизации, стало возможным подойти к изучению религиозных, духовных и идеологических представлений майя с новых позиций, зачастую по-новому интерпретировать археологический материал, воссоздавая целостную картину мира этого древнего американского народа.

Важно сразу подчеркнуть, что Модель мира, существовавшая у древних майя, сформировалась на основе культурного субстрата, сложившегося в сопредельных регионах задолго до наступления классического периода майя — то есть, она совершенствовалась по крайней мере на протяжении трех тысяч лет до появления на исторической арене собственно майя. Да и хронологические рамки самой цивилизации тоже достаточно велики: от первых веков нашей эры до так называемого «коллапса» в X в. и пятисотлетнего постклассического периода, закончившегося с появлением испанцев.

Территория расселения майя также достаточно велика и различается по рельефу и климатическим условиям. Ареал делится на три региона, четко различимые по климатическим и культурно-историческим особенностям. Северная область — полуостров Юкатан, сформированный известняковой платформой — отличается засушливым климатом, бедной почвой и отсутствием рек. Единственные источники пресной воды — карстовые колодцы. Централь-

³¹ *Brasseur de Bourbourg Ch.-E.* "Des sources de l'histoire primitive de Mexique et de l'Amérique Centrale, etc., dans les monuments égyptiens et de l'histoire primitive de l'Égypte dans les monuments américains; Introduction à la Relation des choses de Yucatan". In: *Landa Diego de. Relation des choses de Yucatan.* Paris, 1864, P. LXXVIII-LXXIX.

³² Энгельс вслед за Морганом и его учеником Банделье относил «мексиканцев» (майя и астеков) к «средней ступени варварства». См.: Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1980. С. 24-26, 121; *Bandelier A.F.* On the art of war and mode of warfare of the ancient Mexicans // *Annual Reports 1876 / Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, Harvard University, Cambridge (Mass.), 1877; On the Distribution and Tenure of Lands and the Customs with respect to Inheritance among the Ancient Mexicans // Annual Reports 1877 / Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, Harvard University, Cambridge (Mass.), 1878; On the Social Organization and Mode of Government of the Ancient Mexicans // Annual Reports 1878 / Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, Cambridge (Mass.), 1879.*

ная область включает южные мексиканские штаты, а также Белиз и гватемальский департамент Петен. Эту область составляют низменности, изобилующие естественными водоемами и пересекаемые крупными реками — Усумасинта, Мотагуа и др. Здесь растут влажные тропические леса с богатым выбором съедобных плодов и растений. Во всем регионе изобилуют животные, птицы и рептилии. Как и на севере, здесь практически нет полезных ископаемых. К Южной области относится горная часть мексиканского штата Чьяпас и Гватемальское нагорье, образованные горными цепями высотой до 4000 м. Территория покрыта хвойными лесами и отличается умеренным климатом. Здесь встречаются различные минералы — жадеит, нефрит, обсидиан, пирит, киноварь, ценившиеся во всей Мезоамерике и служившие предметами торговли. То есть, по сути можно говорить о единых научных знаниях о мире, но о существенно различных моделях адаптации к переменным условиям окружающей среды.

Системообразующей компонентой духовных представлений майя является гармоничная картина мира, включающая два информационных блока: а) первый блок отражает общечеловеческие формы мировосприятия и потому несет универсальные характеристики; б) второй блок отличается уникальным своеобразием и представляет собой сложную социо-культурную модель мира, являющуюся результатом деятельности социума в конкретных эколого-территориальных и историко-общественных условиях. Можно выделить основные факторы, влиявшие как на процесс формирования модели мира (константные и переменные условия среды существования социума, организация самого социума и его воспроизводства, обеспечение прогнозируемой жизнедеятельности); так и на ее трансформацию (экологические изменения, социо-групповая дифференциация, политическое — внешнее и внутреннее — давление на социум, нарушение историко-культурной целостности). Это позволяет сделать вывод о том, что культурная компонента, сформировавшаяся в результате развития крупнейшей цивилизации Нового Света, в определенных рамках соотносится с мировидением Старого Света — но это не есть результат диффузии. В результате сравнения этих двух систем мировидения определяются некоторые внешние характерные черты майяской модели мира, среди которых следует отметить сложный реинкарнационный комплекс, разви-

тые космогонические представления, активное использование астрономических знаний и специфику хозяйственной деятельности. Все это является той канвой, в которую как бы «вшиты» научные сведения и технологии.

Развитие некоторых элементов духовных представлений обусловлено мезоамериканским субстратом, без каких бы то ни было внеконтинентальных культурных влияний. Вместе с тем присутствуют элементы, которые могут быть достаточно распространенными в культурах, но возникают (или отсутствуют) только в определенных эколого-природных условиях. Причем сходные условия также могут приводить к возникновению частных идентичных феноменов в генетически неродственных культурах. Так, например, связь Луны с зайцем в представлениях майя и китайцев обусловлена вовсе не культурными контактами, а лишь углом поворота рисунка на диске, характерным для тропических широт.³³

Картина мира включала в себя элементы научных знаний, исторического описания, биологического регулирования брачных отношений и социальной организации. И то и другое расценивалось как часть постоянного мира и потому, по аналогии с космическим порядком, автоматически считалось такими же неприкосновенными и обязательными для выполнения как и все прочие обнаруженные в мироздании законы. То есть системосохраняющий компонент как некий «закон» возводился в полный абсолют. Инновации всегда требовали отдельного обоснования. Отклонение от выполнения «правил» было чревато полным разрушением всего мироздания. Именно поэтому все происходящее в мифологическом изложении основ модели мира неизбежно приобретало характер закона, предположительного воспроизводимого и во все последующие времена.

«Теоретическая», содержательная часть модели мира майя строилась вокруг сложившейся в глубокой архаике концепции реинкарнации, увязывавшей конечную жизнь человека с бесконечностью времени. Мировидение древних майя (мезоамериканцев) характеризуется прежде всего целенаправленным земным воплощением пещерно-космогонической прародины, завязанным на космические, исторические и метемпсихические циклы. А отправным пунктом

³³ Эти сюжеты подробно были рассмотрены ранее: Ершова Г.Г. Восприятие окружающего мира древним человеком и способ создания им Модели Универсума // Горизонты антропологии. М., Наука, 2003. С. 88–93.

для этих циклических построений является константный астрономический феномен – Млечный Путь в качестве Творца всего сущего. Сложный комплекс представлений о пещере-прародине был характерен практически для всей Мезоамерики. Причем эти представления перекликаются с общемировыми практиками. Однако хотелось бы оговорить, что именно этот элемент отсутствует и даже в некотором роде отрицается в андском регионе, несмотря на наличие гор и пещер и в этой части континента. Тем не менее, хотелось бы отметить, что иная реинкарнационная концепция, существовавшая в андском регионе и выражавшаяся в мумифицировании покойников, не требовала «пещерной» концепции в модели мира.³⁴ Пещера у майя идентифицировалась с рептилией, а та, в свою очередь, с Млечным Путем. Млечный путь воплощал идею Творца всего сущего. Астрономические знания древних майя предполагали и знание зодиака, состоявшего из 13 созвездий, названия которых долгое время воспринимались как «божества». Зодиакальная Модель Мира майя включала в себя не только сведения по астрономии, описанию антропосферы и жизненного цикла человека – она отражала также и социальную структуру общества.

Астрономы майя стремились в своих календарных расчетах к охвату максимального числа астрономических циклов. Архаический лунный календарь воплощал идею циклов реинкарнации, тогда как переход к солнечному календарю означал установление линейного восприятия времени. Это событие в Новом Свете совпадает по времени с переходом к солнечному календарю в Старом Свете, что связано, по всей очевидности, с феноменом прецессионного перехода. Солнце в начале нашей эры в весеннее равноденствие вышло из созвездия Овна (Белки у майя) и начинало всходить в созвездии Рыб (Ягуара). Совсем неслучайно в Старом Свете это явление стало символом Христа, неся, прежде всего, астрономическую коннотацию. Подобное чрезвычайно важное астрономическое явление, происходящее примерно каждые две тысячи лет не могло не быть отражено в модели мира в любом регионе нашей Планеты.

Цикличность в восприятии времени, казалось бы, предполагает равномерную протяженность повторяющихся темпоральных отрезков. Однако, перейдя к линейному вре-

³⁴ *Ершова Г.Г.* Древняя Америка: полет во времени и пространстве. Северная Америка и Южная Америка. М., 2002.

мени, майя ощутили его сжимающуюся динамику, совпадающую с субъективным восприятием прошлого, что нашло свое отражение в формировании системы позиционного записи счета, предусматривающую формирование, по мере возрастания числа, более емких единиц. В предыдущих публикациях подробно рассматривались конкретные примеры системных научных знаний майя.³⁵

При работе с мезоамериканским материалом, с точки зрения археоастрономии, приходится выделять два уровня наблюдений, существовавших в древнем мире. К первому относятся первичные астрономические наблюдения, формирующие пространственно-временную модель мира человека, создание которой относится, по всей видимости, к неолиту, но воспроизводится эта модель на протяжении всего существования цивилизации. Эти архаические научные знания описываются и фигурируют в более поздние времена в форме «мифов» и религиозных концепций. Вторая группа – это собственно астрономические сведения, которые, хотя и излагаются специфическим языком своего времени, но, тем не менее, носят вполне системный описательный характер. Кроме того, если научные, в частности астрономические, знания архаического уровня глубоко антропоцентричны, то второго («раннегосударственного») – уже безусловно геоцентричны.

Астрономические знания периода формирования государственности рассматривают место обитания человека в качестве единицы пространства, благодаря чему расширяется комбинаторная способность использования астрономических данных для систематизации во времени и пространстве все большего числа явлений и объектов. Формируется последовательность фиксации памяти об исторических и прочих событиях в пределах линейных отрезков циклов времени, что, с точки зрения антропо- и социо-развития, невозможно в племенных образованиях. Как следствие, возникают календарные системы, которые также эволюционируют по мере развития общества и типов хозяйствования – от разнотипных маркеров-заметок до сложных календарно-цифровых записей.

Картина неба отражала в древней Мезоамерике схему цикла реинкарнации и выглядела как классический «миф»: пасть рептилии являлась

³⁵ *Ершова Г.Г.* Новые подходы в изучении письменных культур Нового Света в свете календарного «феномена 2012» // «Исторический журнал — научные исследования» № 3, 2011. С. 5-15.

входом в преисподнюю и совпадала с созвездием Летучей Мыши. Здесь происходило «очищение» и освободившаяся душа готовилась к новому рождению. Хвост рептилии, приходившийся на созвездие Ориона, воплощал место выхода возрожденной души. Момент выхода души, ассоциированный с падением звезды, рассчитывался специально – по периодам метеорных дождей, привязанных к лунным полумесяцам, чему велся точный астрономический расчет.³⁶

Элементы модели мира древних майя отличаются значительной разработанностью научных знаний – прежде всего математики и астрономии, что относится к константным (общекосмическим) влияниям на антропосистему. И по-

тому они совпадают с аналогичными знаниями Старого Света. Эти знания имеют как прикладной, необходимый для выживания характер (циклическая репродукция, социальная организация, сельскохозяйственный и охотничий календарь), так и абстрактный характер, указывающий на актуальное состояние развивающегося общества. Кроме того, развитие абстрактных научных знаний является показателем «задела» на будущее и маркером тенденции прогрессивного развития. Сложные конструкции социального устройства и абстрактного знания накладываются на комплекс перцептивно-эмпирических представлений, отражающих развитие мышления человека и его интеллектуальных способностей. Хотя внешне это изложение и выглядит как набор «мифов», «мифологических образов» и алогичность пространственно-временного континуума.

³⁶ Yershova G.G. Comets and meteors in the beliefs of ancient mayas. // *Astronomical and Astrophysical Transactions*. Gordon and Breach science publishers. Vol. 20 ISSUE 6 (2001). PP.1017-1037. 2001.

Библиография:

1. Аршавский В.В, Ротенберг В.С. Поисковая активность и адаптация// М., 1984.
2. Бехтерев В.М. Роль внушения в общественной жизни. Избранные труды по психологии личности. Т. 2: Объективное изучение личности. СПб., 1999.
3. Бехтерев В.М. Избранные труды по психологии личности. Т. 1–2. СПб, 1999.
4. Бехтерев В.М. Внушение и воспитание // Бехтерев В.М. Роль внушения в общественной жизни... С. 158. (Доклад на 1-м международном Педагогическом конгрессе в Брюсселе в августе 1911 г.)
5. Библия. Издание Российского библейского общества. М., 2004.
6. Гиренко Н.М. Принцип стадийной гетерогенности в обществе и закон Геккеля // Вопросы этнической семиотики. Спб., 1999.
7. Доброхотова Т.А., Брагина Н.Н. Левши. М., 1994.
8. Ершова Г.Г. Черносивтов П.Ю. Наука и религия: новый симбиоз? С-Пб., 2003.
9. Ершова Г.Г. Асимметрия зеркального мира. М., 2003.
10. Ершова Г.Г. Восприятие окружающего мира древним человеком и способ создания им Модели Универсума // *Горизонты антропологии*. М., Наука, 2003. СС. 88-93.
11. Ершова Г.Г. Древняя Америка: полет во времени и пространстве. Северная Америка и Южная Америка. М., 2007.
12. Ершова Г.Г. Новые подходы в изучении письменных культур Нового Света в свете календарного «феномена 2012» // «Исторический журнал — научные исследования» № 3, 2011. С. 5-15.
13. Ершова Г.Г. В поисках бессмертия. М., 2009.
14. Yershova G.G. Comets and meteors in the beliefs of ancient mayas. // *Astronomical and Astrophysical Transactions*. Gordon and Breach science publishers. Vol. 20 ISSUE 6 (2001). PP.1017-1037. 2001.
15. Кнорозов Ю.В. К вопросу о генезисе палеолитических изображений // *Советская этнография*. 1976. № 2. С. 99–102.
16. Мечников И.И. Рудименты человеческой психики в некоторых физиологических и психических актах // *Мир божий*. № 11. 1904. С. 1–17.
17. Морган Л. Г. Древнее общество. Л., 1934
18. Стены и мосты: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях. Материалы международной научной конференции. М., 2012.
19. Фейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978.
20. Фритт К. Мозг и душа. М., 2004.
21. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1980.
22. Brasseur de Bourbourg Ch.-E. "Des sources de l'histoire primitive de Mexique et de l'Amérique Centrale, etc., dans les monuments égyptiens et de l'histoire primitive de l'Égypte dans les monuments américains; Introduction à la Relación des choses de Yucatan". In: Landa Diego de. *Relación des cosas de Yucatan*. Paris, 1864, P. LXXVIII-LXXIX.

23. Landa Diego de. *Relacion des choses de Yucatan*. Par l'abbé Brasseur de Bourbourg. Paris, 1864. "Des sources de l'histoire primitive de Mexique et de l'Amérique Centrale, etc., dans les monuments égyptiens et de l'histoire primitive de l'Égypte dans les monuments américains; Introduction à la *Relacion des choses de Yucatan*". P. IX-CXII.
24. Bandelier A.F. *On the art of war and mode of warfare of the ancient Mexicans* // *Annual Reports 1876* / Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, Harvard University. Cambridge (Mass.), 1877;
25. Bandelier A.F. *On the Distribution and Tenure of Lands and the Customs with respect to Inheritance among the Ancient Mexicans* // *Annual Reports 1877* / Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, Harvard University. Cambridge (Mass.), 1878;
26. Bandelier A.F. *On the Social Organization and Mode of Government of the Ancient Mexicans* // *Annual Reports 1878* / Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, Harvard University. Cambridge (Mass.), 1879.

References:

1. Arshavskiy V.V., Rotenberg V.S. *Poiskovaya aktivnost' i adaptatsiya* // M., 1984.
2. Behterev V.M. *Roľ vnusheniya v obschestvennoy zhizni. Izbrannyye trudy po psikhologii lichnosti. T. 2: Ob'ektivnoe izuchenie lichnosti*. SPb., 1999.
3. Behterev V.M. *Izbrannyye trudy po psikhologii lichnosti. T. 1–2*. SPb., 1999.
4. Behterev V.M. *Vnushenie i vospitanie* // Behterev V.M. *Roľ vnusheniya v obschestvennoy zhizni...* S. 158. (Doklad na 1-m mezhduнародnom Pedagogicheskom kongresse v Bryussel' v avguste 1911 g.)
5. *Bibliya*. Izdanie Rossiyskogo bibleyskogo obschestva. M., 2004.
6. Girenko N.M. *Princip stadial'noy geterogenosti v obschestve i zakon Gekkeya* // *Voprosy etnicheskoy semiotiki*. Spb., 1999.
7. Dobrohotova T.A., Bragina N.N., Levshi. M., 1994.
8. Ershova G.G., Chernosvitov P.Yu. *Nauka i religiya: novyy simbioz?* S-Pb., 2003.
9. Ershova G.G. *Asimmetriya zerkal'nogo mira*. M., 2003.
10. Ershova G.G. *Vospriyatie okruzhayushchego mira drevnim chelovekom i sposob sozdaniya im Modeli Universuma* // *Gorizonty antropologii*. M., Nauka, 2003. SS. 88-93.
11. Ershova G.G. *Drevnyaya Amerika: polet vo vremeni i prostranstve. Severnaya Amerika i Yuzhnaya Amerika*. M., 2007.
12. Ershova G.G. *Novye podhody v izuchenii pis'mennykh kul'tur Novogo Sveta v svete kalendar'nogo «fenomena 2012»* // *«Istoricheskiy zhurnal-nauchnye issledovaniya»* № 3, 2011. S. 5-15.
13. Ershova G.G. *V poiskakh bessmertiya*. M., 2009.
14. Yerzhova G.G. *Comets and meteors in the beliefs of ancient mayas*. // *Astronomical and Astrophysical Transactions. Gordon and Breach science publishers. Vol. 20 ISSUE 6 (2001)*. PP.1017-1037. 2001.
15. Knorozov Yu.V. *K voprosu o genezise paleoliticheskikh izobrazheniy* // *Covetskaya etnografiya*. 1976. № 2. S. 99–102.
16. Mechnikov I.I. *Rudimenty chelovecheskoy psihiki v nekotorykh fiziologicheskikh i psichicheskikh aktakh* // *Mir bozhnyy*. № 11. 1904. S. 1–17.
17. Morgan L. G. *Drevnee obschestvo*. L., 1934
18. *Steny i mosty: mezhdisciplinarnyye podhody v istoricheskikh issledovaniyakh. Materialy mezhduнародnoy nauchnoy konferencii*. M., 2012.
19. Feydenberg O.M. *Mif i literatura drevnosti*. M., 1978.
20. Fritt K. *Mozg i dusha*. M., 2004.
21. Engel's F. *Proishozhdenie sem'i, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva*. M., 1980.
22. Brasseur de Bourbourg Ch.-E. "Des sources de l'histoire primitive de Mexique et de l'Amérique Centrale, etc., dans les monuments égyptiens et de l'histoire primitive de l'Égypte dans les monuments américains; Introduction à la *Relacion des choses de Yucatan*". In: Landa Diego de. *Relacion des choses de Yucatan*. Paris, 1864, P. LXXVIII-LXXIX.
23. Landa Diego de. *Relacion des choses de Yucatan*. Par l'abbé Brasseur de Bourbourg. Paris, 1864. "Des sources de l'histoire primitive de Mexique et de l'Amérique Centrale, etc., dans les monuments égyptiens et de l'histoire primitive de l'Égypte dans les monuments américains; Introduction à la *Relacion des choses de Yucatan*". P. IX-CXII.
24. Bandelier A.F. *On the art of war and mode of warfare of the ancient Mexicans* // *Annual Reports 1876* / Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, Harvard University. Cambridge (Mass.), 1877;
25. Bandelier A.F. *On the Distribution and Tenure of Lands and the Customs with respect to Inheritance among the Ancient Mexicans* // *Annual Reports 1877* / Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, Harvard University. Cambridge (Mass.), 1878; 25. Bandelier A.F. *On the Social Organization and Mode of Government of the Ancient Mexicans* // *Annual Reports 1878* / Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, Harvard University. Cambridge (Mass.), 1879.
26. Przhilenskiy V.I. *Filosofiya nauki kak issledovatel'skaya programma: mezhdru istoriey nauki i teoriey poznaniya* // NB: *Filosofskie issledovaniya*. — 2013. — 3. — C. 205 — 228. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_267.html
27. Yakovlev V.A. *Informacionnoe edinstvo bytiya: soznanie, zhizn', materiya* // NB: *Filosofskie issledovaniya*. — 2013. — 10. — C. 1 — 57. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_8920.html